

ИНТЕГРАТИВНЫЕ ПРОЦЕССЫ В ОБЛАСТИ ОБРАЗОВАНИЯ: НОВЫЕ ВЫЗОВЫ ДЛЯ БЕЛАРУСИ

В. С. ЛАПУЦКИЙ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Рассмотрены основные проблемы, с которыми за последние пять лет столкнулось белорусское высшее образование (в рамках интернационализации). Проведен анализ интеграции Беларуси в международное образовательное пространство. Данный период ознаменован новыми вызовами: процесс вхождения в Европейское пространство высшего образования осложнился рядом требований, выполнить которые достаточно трудно; в Евразийском экономическом союзе образование не входит в число приоритетных направлений. Потоки въездной мобильности сократились из-за внешних факторов. Сложившаяся ситуация требует комплексного подхода, включающего в себя стратегические и тактические изменения в образовательной сфере. Предложены пути решения новых проблем высшего образования.

Ключевые слова: образовательная интеграция; интернационализация высшего образования; Болонский процесс; академическая мобильность.

INTEGRATIVE PROCESSES IN EDUCATION: NEW CHALLENGES FOR BELARUS

V. S. LAPUTSKY^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The article examines the main problems faced by Belarusian higher education in the framework of internationalisation over the past five years, analyses the integration of Belarus into the international educational space. This period was marked by new challenges – the process of entering the European Higher Education Area was complicated by the difficult fulfilment of a number of requirements, and in the Eurasian Economic Union education is not among the priority areas. Inbound mobility flows have declined due to external factors. The current situation requires a comprehensive solution that includes strategic and tactical changes in the educational sphere. The article proposes ways of solving new problems of higher education.

Keywords: educational integration; internationalisation of higher education; Bologna process; academic mobility.

Введение

Тема интеграции белорусского образования в международное образовательное пространство становится все более актуальной. Участие в международных образовательных программах, интерна-

ционализация входят в число основных критериев рейтингов университетов и системы высшего образования страны. На фоне метаморфоз с трансформацией высшего образования (в контексте

Образец цитирования:

Лапуцкий В.С. Интегративные процессы в области образования: новые вызовы для Беларуси. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология.* 2020;4:112–119.
<https://doi.org/10.33581/2521-6821-2020-4-112-119>

For citation:

Laputsky VS. Integrative processes in education: new challenges for Belarus. *Journal of the Belarusian State University. Sociology.* 2020;4:112–119. Russian.
<https://doi.org/10.33581/2521-6821-2020-4-112-119>

Автор:

Виктор Сергеевич Лапуцкий – аспирант кафедры социологии факультета философии и социальных наук. Научный руководитель – доктор социологических наук, профессор Л. Г. Титаренко.

Author:

Victor S. Laputsky, postgraduate student at the department of sociology, faculty of philosophy and social sciences.
valnoros@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-2514-9608>

Болонского процесса), зависимости международной деятельности страны от нескольких наиболее крупных игроков, неопределенного статуса сферы образования в рамках ЕАЭС, а также внешних факторов, лежащих вне образовательной среды, вопрос дальнейшего протекания интегративных процессов в высшем образовании Беларуси становится все более острым.

В научной литературе уже проанализирован опыт России, Казахстана и стран Европы. Обозначился ряд проблем и задач по трансформации высшего образования, которые стоят перед Беларусью. Была отмечена важность построения общих образовательных пространств в ЕС, ЕАЭС и Союзном государстве России и Беларуси как способа создания «перспективной модели системы высшей школы» [1, с. 82].

Однако за прошедшие пять лет многие обстоятельства существенно изменились: процесс вхождения в Европейское пространство высшего

образования (ЕПВО) затянулся ввиду трудной совместимости белорусской высшей школы с требованиями дорожных карт; образовательная сфера в ЕАЭС по-прежнему не является одним из приоритетов; внешние факторы внесли свои коррективы в потоки въездной и выездной академической мобильности. Для Беларуси 2020 г. должен был стать временем, определяющим дальнейшие направления интеграции белорусской высшей школы.

Цель данной статьи – выявить новые тенденции в сфере международной деятельности белорусской высшей школы и состояние ее европейской и евразийской интеграции. Эмпирической базой настоящей работы являются данные Национального статистического комитета Республики Беларусь, управления международного сотрудничества Министерства образования Республики Беларусь, а также авторские социологические исследования, проведенные в период с 2017 по 2020 г.¹

Теоретические аспекты интеграции высшего образования

В мире ежегодно проводятся десятки исследований по проблемам образовательной интеграции и интернационализации, единой позиции по которым, однако, до сих пор не выработано. Это обусловлено несколькими причинами: 1) большинство исследований, направленных на решение прикладных задач, имеют практико-ориентированный характер; 2) неоднородная образовательная интеграция существует как феномен, что дает возможность для анализа с точки зрения разных социогуманитарных дисциплин; 3) географическая специфика влияет на восприятие интеграционных процессов. Таким образом, в научном сообществе появилось много интерпретаций того, что следует считать образовательной интеграцией.

Совет Европы рассматривает это явление как «сближение и сравнение между системами образования» [2, с. 68], российские социологи трактуют его в контексте кризиса национальных образовательных систем и модернизации образования. В частности, Г. Е. Зборовский представляет процедуру вступления российской высшей школы в Болонский процесс как один из инструментов реформирования высшего образования. Под образовательной интеграцией подразумевается не просто выход системы образования на международный уровень или сближение нескольких систем, но и изменение самой системы с учетом внешних стандартов [3, с. 94–95]. В дальнейшем Г. Е. Зборовский, детализировав свою позицию, отмечал, что интеграция в международное образовательное пространство для России про-

исходит в условиях постоянного поиска «таких путей реформирования, которые могли бы приблизить его к лучшим мировым достижениям» [4, с. 441]. Автор выделял три вектора интеграции: 1) копирование зарубежного опыта; 2) разработку собственных экспериментальных инноваций, способных вывести отечественную высшую школу на международный уровень; 3) комбинацию элементов первого и второго векторов.

В западноевропейской литературе само понятие интеграции высшего образования встречается реже, его заменяет термин *интернационализация*. Такое различие, вероятно, связано с разными приоритетами: если ученые на постсоветском пространстве акцентируют внимание на вхождении национальной высшей школы в международный контекст, то западные делают упор на трансформации деятельности высших учебных заведений. Общеизвестные зарубежным и отечественным научным сообществом классики Дж. Найт и Ф. Альтбах рассматривают интернационализацию как внедрение международного измерения в учебное заведение на всех уровнях: в преподавание, исследование, оказание услуг [5, р. 4].

Представляется целесообразным выделить трех уровней в теоретико-социологическом исследовании образовательной интеграции.

На *макроуровне* рассматриваются функционирование международного образовательного пространства (или пространств) как глобализованного процессуального конструкта, взаимодействие

¹Серия глубинных интервью среди белорусских студентов, участвовавших в процессах академической мобильности ($n = 20$); анкетный опрос среди белорусских студентов Белорусского государственного университета, Белорусского государственного экономического университета, Белорусского государственного университета информатики и радиоэлектроники, Минского государственного лингвистического университета, Белорусского государственного технологического университета ($n = 420$); онлайн-опрос среди китайских студентов ($n = 186$); глубинные интервью с иностранными студентами из разных стран ($n = 30$).

надгосударственных и локальных структур, а также динамика изменения мировой системы высшего образования. В данном контексте уместно сослаться на работы Р. Робертсона [6], З. Баумана [7], Ш. Айзенштадта [8], Дж. Урри [9], Т. Рокса [10], Дж. Брукса и А. Нормора [11].

На *мезоуровне* анализируется организационная сторона интернационализации национальной системы высшего образования (со структурной и процессуальной точки зрения) и определяются субъекты интернационализации. Данная сторона интегративных процессов излагается с учетом работ Д. Норта [12], Дж. Брукса и А. Нормора [11], М. Арчер [13], П. Бурдье [14], Э. Гидденса [15].

На *микроуровне* изучается опыт студентов, преподавателей, сотрудников образовательных учреждений, т. е. участников интегративных процессов в области образования, выступающих в роли эмпирического индикатора направленности этих процессов. Их опыт изучается с позиции работ А. Шютца [16], П. Бурдье [14], М. Арчер [13], П. Бергера, Т. Лукмана [17].

Подобное разделение уровней измерения интеграции обосновывается разными способами решения возникающих задач и проблем (в том числе с теоретической и методологической точки зрения), что требует комплексного подхода, включающего в себя наработки представителей различных теоретических направлений.

Беларусь в рамках интеграционных объединений

Противоречивость и комплексность процессов интеграции отражены в трудах белорусских социологов и философов. В разные годы к проблемам интеграции белорусского образования в международный контекст обращались В. Н. Шимов и Л. М. Крюков [1], Ч. С. Кирвель [18], Л. Г. Титаренко [19], А. Л. Куиш [20], А. В. Рытов [21], Л. С. Шаховская и Е. Э. Головчанская [22], В. А. Бейзеров [23], Н. Н. Скриба [24]. Вопрос вхождения в Болонский процесс, возможности и риски членства в ЕВПО и статус ЕАЭС как евразийского вектора интеграции высшего образования Беларуси являются наиболее дискуссионными на протяжении последних пяти лет.

Со времени вступления Беларуси в Болонский процесс ее статус остается неопределенным. Несмотря на то что страна была принята в ЕВПО в 2015 г. номинально, от нее требовалось внести ряд изменений в деятельность образовательной сферы, во взаимодействия университета и государства. В 2017 и 2018 гг. сроки по внесению изменений переносились. Однако предпринятые шаги по трансформации высшей школы (об этом свидетельствуют различные инициативы, например Стратегический план действий по реализации основных задач развития системы образования в соответствии с принципами и инструментами Европейского пространства высшего образования²) и выполнение всех требований Болонской конвенции не были осуществлены своевременно.

Причины болонской «пробуксовки» связаны с неопределенной позицией, а также неприоритетным статусом европейской интеграции для Беларуси. Начиная с 2017 г. вопрос развития международного вектора высшего образования в большей степени

касался Союзного государства России и Беларуси, взаимодействия со странами ЕАЭС, средневосточного и дальневосточного регионов, признанных более перспективными направлениями в краткой и среднесрочной перспективе. Интеграция в ЕВПО по-прежнему формально остается задачей белорусской высшей школы, однако больше в фоновом режиме. В пользу данного тезиса свидетельствуют несколько фактов: 1) рассмотрение интеграционных процессов со странами ЕВПО в повестке Министерства образования Республики Беларусь остается минимальным – на уровне планов, отчетов, мероприятий; 2) фокус внимания в нормативных документах смещается на другие маршруты интернационализации – Россию, Туркменистан, Китай³.

Вместе с тем это не означает, что европейская интеграция остановлена: определенные действия по трансформации и модернизации образовательной деятельности в данном направлении проходят и сейчас. При этом уже внесенные изменения в образовательную сферу и последующие события позволяют интерпретировать европейскую интеграцию Беларуси как глокализационное течение. Одним из первых понятие «глокализация» ввел Р. Робертсон, описывая данное явление как процесс изменения локальных культурных образований, которые на фоне огромного влияния не теряют своих региональных особенностей, а напротив, сохраняют и усиливают их [6]. Автор постулирует, что благоприятное развитие глобального пространства предполагает формирование у его элементов глокализационного аспекта. Вопрос глокализационных тенденций в образовании поднимали Дж. Брукс и А. Нормор. Они считают глокализацию наиболее

² См.: <https://edu.gov.by/sistema-obrazovaniya/glavnoe-upravlenie-professionalnogo-obrazovaniya/vysshee-obrazovanie/strategicheskiy-plan-deystviy/> (дата обращения: 22.09.2020).

³ Соглашение между правительством Республики Беларусь и правительством Китайской Народной Республики о взаимном признании документов об образовании [Электронный ресурс] // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь от 19 авг. 2004 г. № 3/1508. URL: <https://bit.ly/2ZTp7dP> (дата обращения: 22.09.2020) ; Соглашение между правительством Республики Беларусь и правительством Туркменистана о сотрудничестве в сфере образования от 15.01.2013 [Электронный ресурс] // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь от 5 янв. 2013 г. № 3/2889. URL: <https://bit.ly/2H7NSw3> (дата обращения: 22.09.2020).

подходящей теоретической рамкой (ввиду неизбежности смешения на национальном уровне локального и глобального аспектов), а также говорят о необходимости развития компетенций лиц, принимающих решения в образовательной сфере на региональном и национальном уровнях, в глокальной плоскости [11, р. 54].

Трансформация системы образования Беларуси в рамках ЕПВО – пример глокализационных изменений в образовательной сфере. Неопределенное отношение Министерства образования Республики Беларусь к Болонской конвенции является причиной искаженного внедрения изначальных требований в образовательную сферу страны и, как следствие, противоречивого влияния данных процессов на качество образования. Трансформация высшего образования достигла амбивалентной стадии, когда вернуться к изначальной системе будет крайне затруднительно (об этом свидетельствуют попытки отказа от ряда изменений, в частности возвращения к одногодичной магистратуре), но и продвинуться вперед в целях признания белорусского образования как равноправной части ЕПВО не удастся.

Похожая ситуация с ЕПВО наблюдается и в других странах на постсоветском пространстве. Так, А. Виньо, А. А. Байков и Е. Калужнова на примере России отмечают положение неопределенности, когда, с одной стороны, продолжается интеграция в Болонский процесс (запуск проектов типа 5-100 (*The Russian Academic Excellence Project*)), с другой – сохраняется прежний идеологический подход к формированию образовательных программ. Подобная неопределенность и попытка использовать преимущества обоих миров – внешнего мира (ЕВПО) и внутреннего (сложившаяся российская система образования) – приводят к снижению общего уровня университетского образования. Выходом из этой ситуации может быть построение стратегии постепенной адаптации процессов обучения в российских университетах к международным нормам [25, с. 42].

Нужно ли Беларуси глубже входить в ЕПВО? Без социально-экономической базы интеграции такое вовлечение может привести к формированию односторонней связи, где Беларусь будет выступать в большей степени как потребитель образовательных услуг. Подобная тенденция выражена в настоящее время. Если проанализировать имплементацию западных международных образовательных программ (*ERASMUS*, *DAAD* и др.), то очевидным будет тот факт, что выездная мобильность существенно выше, чем въездная [26, с. 275]. Эффективная образовательная интеграция невозможна без деятель-

ности в других сферах. Все это требует качественных изменений в стране. Как считает А. Л. Куиш, в данном контексте Болонский процесс может стать одним из драйверов дальнейшей интеграции в ЕС [20, с. 109]. Социально-экономические и образовательные интеграционные процессы должны осуществляться одновременно.

Сегодня наиболее предпочтительной считается образовательная интеграция в рамках ЕАЭС, созданном в 2015 г. Несмотря на то что в контексте нормативных документов союза⁴ образовательная сфера слабо выражена, на нее в перспективе может повлиять формируемая интегративная экономическая база. Так, снижение количества барьеров между странами-участницами позволит развивать их международное сотрудничество в области образования и науки и академической мобильности. Подобная интеграция предполагает дополнительные действия со стороны стран-участниц. Вместе с тем за пять лет существования ЕАЭС не было предпринято значимых шагов по выходу интеграции за пределы экономической сферы. Невзирая на то, что в 2015 г. возникли различные концепции реализации данной стратегии (триединая концепция В. Н. Шимова, предполагающая одновременную трансформацию образовательной сферы на национальном, союзном и мировом уровнях [1, с. 81]), активных действий в этом направлении до сих пор не было сделано. В научном сообществе существует мнение о том, что страны – члены ЕАЭС недостаточно используют свой потенциал для социального и социогуманитарного сотрудничества; происходит подмена нормативных актов, законов, договоров между странами отдельными точечными инициативами, не решающими в полной мере поставленных задач [27, с. 35]. Причины бездействия по формированию единого образовательного пространства в ЕАЭС являются прагматическими. В 2018/19 учебном году численность обучающихся в университетах ЕАЭС составила 97 тыс. человек, 89 % из них приходились на въездную мобильность в Россию. Здесь обучаются 10 тыс. человек, прибывших только из Беларуси, что значительно выше, чем вся въездная мобильность в белорусское государство⁵. В ЕАЭС в сфере образования сложилась центр-периферийная ситуация, в рамках которой формирование единого образовательного пространства не является необходимостью в краткосрочной перспективе для страны-лидера.

Ввиду вышесказанного деятельность белорусской стороны по вхождению в интеграционные объединения как в европейском, так и в евразийском

⁴ Правовой портал [Электронный ресурс]. URL: <https://bit.ly/2HjimLH> (дата обращения: 22.09.2020).

⁵ Образовательная миграция: Численность обучающихся в образовательных организациях высшего профессионального образования государств – членов ЕАЭС, прибывших из других государств – членов ЕАЭС [Электронный ресурс]. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/econstat/Pages/education.aspx (дата обращения: 22.09.2020).

контексте остается неопределенной и противоречивой. Государство реализует точечные инициативы по отношению к определенным странам, однако на

системном уровне по-прежнему нет единой стратегии в развитии интеграции в сфере высшего образования.

Международная деятельность Республики Беларусь вне интеграционных объединений как третий путь интернационализации образования

На фоне малоактивной деятельности белорусской высшей школы по отношению к ЕПВО и ЕАЭС доминантные потоки въездной мобильности приходятся на страны вне данных объединений. В 2019/20 учебном году в Беларуси обучались 18,4 тыс. иностранцев, из которых 60,1 % студентов приходился на Туркменистан и КНР⁶. Значительное количество студентов, приехавших получить образование в Беларусь из названных стран, обусловлено накопленным опытом взаимодействия на государственном, университетском и межличностном уровнях, а также нормативными актами, стимулирующими приток таких обучающихся⁷.

Данные факты свидетельствуют о том, что государство играет активную роль в наращивании потоков мобильности вне интеграционных объединений. Если интерпретировать этот процесс в рамках парадигмы мобильностей Дж. Урри, деятельность университетов и государств способствует формированию русел (*scare*), по которым индивиды, получающие образование за рубежом самостоятельно либо в рамках академических обменов, выступают в качестве участников потоков (*flow*). Подобные явления имеют накопительный эффект: с течением времени их резиденты делятся опытом, что впоследствии способствует интенсификации или ослаблению потока [9, с. 17, 130].

Если для интерпретации данных процессов использовать теорию социального капитала П. Бурдьё, то речь будет идти о наращении символического и культурного капиталов субъектами образовательных обменов. Агент, будучи носителем более высокого социального капитала по отношению к иным участникам общественного взаимодействия, сам сможет оказывать влияние на уже существующие правила игры [14, с. 56–57], что приводит к изменениям в образовательном и профессиональном контекстах.

Кого можно считать действующим субъектом образовательной интернационализации в Беларуси? В данном случае следует сочетать деятельность университетов и тех индивидов, которые ранее обу-

чались в белорусском государстве. Университеты самостоятельно или силами своих партнеров информируют иностранную аудиторию о возможностях обучения в Беларуси. Лица, получившие образование в Беларуси или находившиеся в стране с иной целью, составили о ней позитивное мнение, которое могут передать своему кругу общения.

Иностранцами студентами в рамках социологических исследований была подтверждена важность университетских и межличностных контактов для академической мобильности. Так, в результате проведенного онлайн-опроса китайских студентов было выяснено, что для них наиболее значимым источником информации выступили друзья и родственники, полезными оказались также сведения, найденные о Республике Беларусь в интернете. Схожее мнение высказали и участники опроса из других стран: туркменские, турецкие, ливийские студенты во время глубинных интервью сообщали, что при принятии решения о выборе страны обучения они в первую очередь опирались на опыт пребывания в Беларуси своих близких (в целях проживания или получения образования).

С учетом внешних факторов и геополитики потоки мобильности вне интеграционных объединений при всей своей масштабности являются наиболее уязвимыми. Во-первых, точечные инициативы по усилению сотрудничества с конкретными странами подвержены дополнительным рискам, зависящим от результатов диалога между этими странами; во-вторых, они не всегда сопровождаются качественными изменениями нормативно-правовой составляющей. Примером этому является отказ Туркменистана от верификации документов об образовании, полученных в университетах, не входящих в топ-1000 мирового рейтинга, а сам спектр допустимых специальностей существенно сократился⁸. Подобная ситуация привела к тому, что поток туркменских студентов, до этого распределенный по более чем 15 учреждениям высшего образования (УВО) Республики Беларусь, сконцентрировался в БГУ, что негативно отразилось

⁶Медведева И. В. Образование в Республике Беларусь (учебный год 2019/2020) / Нац. стат. ком. Респ. Беларусь. Минск : [б. и.], 2019. 47 с.

⁷Соглашение между правительством Республики Беларусь и правительством Туркменистана о сотрудничестве в сфере образования от 15.01.2013 г. [Электронный ресурс] // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь от 5 янв. 2013 г. № 3/2889. URL: <https://bit.ly/2H7NSw3> (дата обращения: 22.09.2020) ; Соглашение между правительством Республики Беларусь и правительством Китайской Народной Республики о взаимном признании документов об образовании [Электронный ресурс] // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь 19 авг. 2004 г. № 3/1508. URL: <https://bit.ly/2ZTp7dP> (дата обращения: 22.09.2020).

⁸Туркменистан перестал признавать дипломы вузов не из топ-1000. Как это сказалось на наших универах? [Электронный ресурс] URL: <https://news.tut.by/society/652053.html> (дата обращения: 22.09.2020).

на показателях международной деятельности других университетов. Вторым примером – мобильность студентов из Китая в контексте пандемии COVID-19 в 2020 г. Тяжелая эпидемиологическая ситуация в мире создала объективные трудности для мобильности (повышение стоимости перелетов, персональные страхи студентов и т. д.). Данное обстоятельство актуализировало вопрос об организации для иностранных студентов онлайн-образования, наличие и закреплённость которого на нормативно-правовом уровне могло бы снять данный барьер. Однако дистанционное обучение для иностранцев пока не получило отражения в белорусском законодательстве, в связи с чем в 2020/21 учебном году (как и ожидалось) существенно снизилось количество студентов, прибывших из Китая для получения образования в УВО Беларуси.

В России для решения схожей проблемы принята попытка систематического введения дистанционного образования для иностранцев. В 2020 г. удалённое обучение было узаконено в университетах Калининграда, Владивостока, Санкт-Петербурга

и других городов. Поскольку инициатива исходила от самих университетов (преимущественно тех, где удельный уровень иностранных студентов выше среднего), а не от государства, то пока она не получила широкого распространения в России. Однако дистанционное образование как направление деятельности в российском законодательстве гораздо более развито, чем в белорусском. В связи с этим появилась возможность оперативно внести изменения в образовательный процесс УВО России.

Иностранный студент, приезжая в Беларусь с целью получить образование, сталкивается с трудностями языковой, академической и социокультурной адаптации [28]. Белорусская сторона на протяжении более 10 лет предпринимает усилия по обеспечению благоприятного процесса приспособления. Несмотря на высказанное многими иностранными студентами в рамках глубинных интервью и опросов удовлетворение проводимой в данном направлении в Беларуси работой, университетам не хватает системного подхода для решения вопросов помощи иностранцам.

Выводы

Интернационализация белорусского образования продолжается. Сегодня, приоритетом международной деятельности Республики Беларусь в области высшего образования должны стать поддержание и развитие связей в рамках существующих интеграционных объединений. При всей неоднозначности процессов в долгосрочной перспективе это может способствовать росту конкурентоспособного образования.

В рамках ЕАЭС и ЕПВО наблюдается разная ситуация: в ЕАЭС активно идет процесс экономической интеграции, но отсутствует движение в развитии сотрудничества в сфере образования; в ЕПВО сделаны первые шаги в сторону образовательной интеграции, однако без социально-экономической базы они малоэффективны. На этом фоне в краткосрочной перспективе международная деятельность вне интеграционных образований является более значимой и продуктивной. Однако точечный характер создания и поддержания связей, субъектный статус университетов в формировании потоков мобильности и доминирующая доля двух основных партнеров (Туркменистан, Китай) делают данное направление уязвимым и зависимым от внеобразовательных факторов.

Представленные проблемы требуют глобальных и тактических изменений и внедрения новых социальных технологий как на университетском, так и на нормативно-правовом уровне.

Во-первых, решения требует вопрос целостности национальной тактики по развитию международного сотрудничества и модернизации сферы образования согласно ЕПВО и ЕАЭС. Некоторые шаги в этом

плане предпринимаются и сейчас: выполняется Стратегический план действий по реализации основных задач развития системы образования в соответствии с принципами и инструментами ЕПВО; организуются проекты по развитию международного вектора белорусской высшей школы (*PICASA*, *HARMONY*, *QATMI*, *ICAEN*). Однако без согласованной позиции государства относительно вносимых изменений включение в интеграционные объединения невозможно.

Во-вторых, необходимо расширить географию сотрудничества. Университеты являются основными субъектами интернационализации, самостоятельно строят взаимоотношения с партнерами и привлекают потоки мобильности. Государство может выступать в роли дополнительного посредника, способствующего формированию новых связей между странами и университетами, что поможет перевести этот процесс в более системное русло.

Тактические изменения предполагают трансформацию самой образовательной среды Беларуси с целью снизить количество барьеров для потенциальных студентов. В условиях пандемии глобально актуализировался вопрос дистанционного образования для иностранцев, и многие государства и, в частности, университеты разработали меры по его внедрению. Беларусь не должна находиться в стороне от этих событий.

В рамках образовательного процесса актуальными остаются разработки таких мер по эффективной адаптации иностранцев, как создание дружественной среды, расширение сфер коммуникативного общения между студентами [29],

повышение уровня межкультурной компетенции белорусских студентов и преподавателей. Подобные решения позволят улучшить опыт иностранных студентов в Республике Беларусь и в долгосрочной перспективе усилить и расширить потоки въездной мобильности.

Библиографические ссылки

1. Шимов ВН, Крюков ЛМ. Перспективы развития высшей школы Беларуси: поиск ответов на новые вызовы. *Белорусский экономический журнал*. 2015;3:79–103.
2. Бражник ЕИ. *Интеграционные процессы в современном европейском образовании*. Санкт-Петербург: Библиотека Академии наук; 2001. 200 с.
3. Зборовский ГЕ. Модернизация образования сквозь призму социальной политики. *Журнал исследований социальной политики*. 2010;8(1):87–104.
4. Зборовский ГЕ, Амбарова ПА. *Социология высшего образования*. Екатеринбург: Гуманитарный университет; 2019. 539 с.
5. Knight J. *Trade in higher education services: the implications of GATS*. London: Observatory on Borderless Higher Education; 2002. 28 p.
6. Robertson R. *Globalization: social theory and global culture*. New York: SAGE Publications; 1992. 211 p.
7. Bauman Z. *Globalization: the human consequences*. New York: Columbia University Press; 1998. 136 p.
8. Eisenstadt SN. Multiple Modernities. *Daedalus* [Internet]. 2011 [cited 2020 March 15];129(1):1–29. Available from: <https://www.jstor.org/stable/20027613?seq=1>.
9. Урри Дж. *Мобильности*. Лазарев АВ, переводчик. Москва: Праксис; 2012. 576 с.
10. Renc-Roe J, Roxă T. The Internationalisation of a university as local practices: a case study. *Education Inquiry*. 2014;5(1):127–148. DOI: 10.3402/edui.v5.24048.
11. Brooks JS, Normore AH. Educational leadership and globalization: literacy for a global perspective. *Educational Policy*. 2010;24(1):52–82. DOI: 10.1177/0895904809354070.
12. Норт Д. *Институты, институциональные изменения и функционирование экономики*. Нестеренко АН, переводчик. Москва: Фонд экономической книги «Начала»; 1997. 180 с.
13. Archer MS. *Realist social theory: the morphogenetic approach*. Cambridge: Cambridge University Press; 1995. 368 p. DOI: 10.1017/CBO9780511557675.
14. Бурдье П. *Социология политики*. Шматко НА, переводчик. Москва: Socio-Logos; 1993. 336 с.
15. Giddens A. *The consequences of modernity*. Stanford: Stanford University Press; 1990. 188 p.
16. Шютц А. *Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии*. Алхасов АЯ, составитель; Алхасов АЯ, Мазлумянова НЯ, переводчики; Батыгин ГС, редактор. Москва: Институт фонда «Общественное мнение»; 2003. 336 с.
17. Berger PL, Luckmann T. *The social construction of reality: a treatise in the sociology of knowledge*. New York: Anchor Books; 1966. 240 p.
18. Кирвель ЧС. Современное образование «в тисках» либерально-рыночного экстремизма. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология*. 2018;4:88–96.
19. Титаренко ЛП. Современные интеграционные процессы в сфере высшего образования: предпосылки, закономерности, перспективы. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология*. 2018;1:82–90.
20. Куиш АЛ. Направления интеграции высшего образования: выбор Беларуси. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология*. 2018;3:104–109.
21. Рытов АВ. Ключевые аспекты интернационализации высшего образования Республики Беларусь в свете результатов исследования проекта Harmony. *Высшая школа*. 2019;3:3–8.
22. Шаховская ЛС, Головачанская ЕЭ. Интеграционные процессы как необходимое условие развития интеллектуальных ресурсов в системе университетов предпринимательского типа. *Белорусский экономический журнал*. 2016;2:31–44.
23. Бейзеров ВА. *Интеграция белорусской системы образования в мировое образовательное пространство*. Гомель: Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины; 2006. 71 с.
24. Скриба НН, Федотова ИЭ, Лапуцкая ИИ. Обучение русскому языку в системе подготовки иностранных специалистов: специфика, проблемы, пути их решения. *Вестник Беларускага дзяржаўнага эканамічнага ўніверсітэта*. 2018;2:98–108.
25. Виньо А, Байков АА, Калужнова Е. Имплементация зарубежных норм в российском высшем образовании: проблемы адаптации. *Высшее образование в России*. 2020;29(8–9):39–54. DOI: 10.31992/0869-3617-2020-29-8-9-39-54.
26. Дунаев В. *Белая книга 2018. Европейские перспективы белорусского высшего образования*. Дунаев В, редактор. Vilnius: VŠĮ «Socialinės ir politinės ekspertizės agentūra»; 2018. 328 с.
27. Осадчая ГИ. Евразийская интеграция: принципы, идеология, практика. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология*. 2020;1:31–43.
28. Лапуцкий ВС. Проблема адаптации иностранных студентов в контексте белорусской высшей школы. *СОТИС – социальные технологии, исследования*. 2019;2:99–106.
29. Сакума СЛ. *Особенности этносоциальной адаптации вьетнамцев, китайцев, корейцев и японцев в Беларуси в 1980–2011 гг.* Минск: Беларуская навука; 2014. 123 с.

References

1. Shimov VN, Kryukov LM. Prospects of higher education development in Belarus: search for new challenges' solutions. *Belarusian Economic Journal*. 2015;3:79–103. Russian.
2. Brazhnik EI. *Integratsionnye protsessy v sovremennom evropeiskom obrazovanii* [Integration processes in modern European education]. Saint Petersburg: Biblioteka Akademii nauk; 2001. 200 p. Russian.

3. Zborovsky GE. Modernization of education through the prism of social policy. *The Journal of Social Policy Studies*. 2010;8(1):87–104. Russian.
4. Zborovsky GE, Ambarova PA. *Sociology of higher education*. Yekaterinburg: University for Humanities; 2019. 539 p. Russian.
5. Knight J. *Trade in higher education services: the implications of GATS*. London: Observatory on Borderless Higher Education; 2002. 28 p.
6. Robertson R. *Globalization: social theory and global culture*. New York: SAGE Publications; 1992. 211 p.
7. Bauman Z. *Globalization: the human consequences*. New York: Columbia University Press; 1998. 136 p.
8. Eisenstadt SN. Multiple Modernities. *Daedalus* [Internet]. 2011 [cited 2020 March 15];129(1):1–29. Available from: <https://www.jstor.org/stable/20027613?seq=1>.
9. Urry J. *Mobil'nosti* [Mobility]. Moscow: Praxis; 2012. 576 p. Russian.
10. Renc-Roe J, Roxå T. The Internationalisation of a university as local practices: a case study. *Education Inquiry*. 2014;5(1):127–148. DOI: 10.3402/edui.v5.24048.
11. Brooks JS, Normore AH. Educational leadership and globalization: literacy for a global perspective. *Educational Policy*. 2010;24(1):52–82. DOI: 10.1177/0895904809354070.
12. North D. *Institutions, institutional change and economic performance*. Alt J, North D, editors. Cambridge: Cambridge University Press; 1990. [152] p.
Russian edition: North D. *Instituty, institutsional'nye izmeneniya i funktsionirovanie ekonomiki*. Nesterenko AN, translator. Moscow: Fond ekonomicheskoi knigi «Nachala»; 1997. 180 p.
13. Archer MS. *Realist social theory: the morphogenetic approach*. Cambridge: Cambridge University Press; 1995. 368 p. DOI: 10.1017/CBO9780511557675.
14. Bourdieu P. *Sotsiologiya politiki* [Sociology of politics]. Shmatko NA, translator. Moscow: Socio-Logos; 1993. 336 p. Russian.
15. Giddens A. *The Consequences of modernity*. Stanford: Stanford University Press; 1990. 188 p.
16. Schutz A. *Smyslovaya struktura povsednevnogo mira: ocherki po fenomenologicheskoi sotsiologii* [The semantic structure of the everyday world: essays on phenomenological sociology]. Alkhasov AY, compiler; Alkhasov AY, Mazlumyanova NY, translators; Batygin GS, editor. Moscow: Institut fonda «Obshchestvennoe mnenie»; 2003. 336 p. Russian.
17. Berger PL, Luckmann T. *The social construction of reality: a treatise in the sociology of knowledge*. New York: Anchor Books; 1966. 240 p.
18. Kirvel ChS. Modern education «in the clutches» of liberal market extremism. *Journal of the Belarusian State University. Sociology*. 2018;4:88–96. Russian.
19. Titarenko LG. Modern integration processes in the sphere of higher education: prerequisites, regularities, perspectives. *Journal of the Belarusian State University. Sociology*. 2018;1:82–90. Russian.
20. Kuish AL. Directions of integration of higher education: the choice of Belarus. *Journal of the Belarusian State University. Sociology*. 2018;3:104–109. Russian.
21. Rytov AV. Key aspects of the internationalization of higher education in the Republic of Belarus in the light of the results of the study of the Harmony project. *Vyshjeishaja shkola*. 2019;3:3–8. Russian.
22. Shakhovskaya LS, Golovchanskaya EE. Integration processes as a necessary condition for intellectual resources development within the system of entrepreneurial universities. *Belarusian Economic Journal*. 2016;2:31–44. Russian.
23. Beizerov VA. *Integratsiya belorusskoi sistemy obrazovaniya v mirovye obrazovatel'noe prostranstvo* [Integration of the Belarusian education system into the world educational space]. Homiel': Francisk Skorina Gomel State University; 2006. 71 p. Russian.
24. Scriba NN, Fedotova IE, Laputskaya AI. Teaching Russian in the system of training international specialists: specificity, problems, ways of solution. *Vesnik Belaruskaga dzjarzhawnaga jekanamichnaga wniversitjeta*. 2018;2:98–108. Russian.
25. Vigno A, Baykov AA, Kalyuzhnova E. Implementation of International norms in Russia: the case of higher education. *Higher Education in Russia*. 2020;29(8-9):39–54. DOI: 10.31992/0869-3617-2020-29-8-9-39-54. Russian.
26. Dunaev V. *Belaya kniga 2018. Evropeiskie perspektivy belorusskogo vysshogo obrazovaniya* [White book 2018. European perspectives of Belarusian higher education]. Dunaev V, editor. Vilnius: VŠĮ «Socialinės ir politinės ekspertizės agentūra»; 2018. 328 p. Russian.
27. Osadchaya GI. Eurasian integration: principles, ideology, practice. *Journal of the Belarusian State University. Sociology*. 2020;1:31–43. Russian.
28. Laputsky VS. Problem of adaptation of foreign students in Belarusian higher education. *SOTIS – sotsial'nye tekhnologii, issledovaniya*. 2019;2:99–106. Russian.
29. Sakuma SL. *Osobennosti etnosotsial'noi adaptatsii v'etnamtsev, kitaitsev, koreitsev i yapontsev v Belarusi v 1980–2011 gg.* [Features of the ethno-social adaptation of the Vietnamese, Chinese, Koreans and Japanese in Belarus in 1980–2011]. Minsk: Belaruskaja navuka; 2014. 123 p. Russian.

Статья поступила в редколлегию 05.10.2020.
Received by editorial board 05.10.2020.